

1968

«Я - могу - говорить!»

25 августа 1968 года в Москве на Красной площади, в самом сердце столицы и в ста метрах от Кремля, над сенатским куполом которого развевалось красное знамя с серпом и молотом, произошло невероятное. Это была политическая демонстрация в поддержку «пражской весны» — попытки радикальных демократических преобразований, закончившейся вводом советских войск в Чехословакию. Семь человек — Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг — сели на парапет у Лобного места и развернули изготовленные дома плакаты. На них было написано: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!» по-чешски и «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!» по-русски. Демонстрация продлилась несколько минут, которые потребовались, чтобы до Лобного места добежали сотрудники КГБ (Комитета государственной безопасности, преемника ВЧК—ГПУ—НКВД) в штатском, дежурившие на Красной площади в ожидании выезда из Кремля чехословацкой делегации. Плакаты вырвали из рук демонстрантов, а их самих, несмотря на то, что никто не сопротивлялся, избili и затолкали в машины. В октябре состоялся суд, по приговору которого «за антисоветскую деятельность» двоих отправили в лагерь, троих — в ссылку, одного — в психиатрическую больницу. Горбаневскую, у которой был грудной ребенок, пустили. Несмотря на цензуру и всеобщее молчание, об этой демонстрации узнали в СССР и во всем мире. Узнал о ней и народ Чехословакии, перед лицом которого семеро смельчаков спасли честь России и россиян — ценой собственного благополучия, здоровья, а для некоторых из них и жизни.

Горстка людей выбрала и реализовала альтернативу — стать свободными гражданами в несвободной стране. Горстка граждан показала всем остальным, *как это делается*, и навсегда впечатала этот опыт в память нации. Обратившись к герценовскому лозунгу времен второго польского восстания 1863—1864 годов — «за вашу и нашу сво-

боду!» — они не только продолжили традицию гражданского сопротивления и независимого противостояния неправой власти, но и начали вновь тот процесс, о котором писал Герцен применительно к николаевской эпохе — «под личиной наружного рабства свершалось внутреннее освобождение». Десятки сопротивлявшихся в 60-е годы превратились в сотни в 70-е и изменили не только советскую ментальность, но и жизнь в 80-е. Их было меньшинство, но по закону, сформулированному социологом Вильфредо Парето, для начала перемен в стране должна накопиться «критическая масса» в 20% несогласных граждан. Когда после описанных событий прошло двадцать лет и выросло новое поколение, началась перестройка. Годы брежневского «застоя» в значительной степени подготовили ее грузом накопившихся проблем и противоречий, а также складыванием форм и кадров самой различной оппозиции и несогласия. Как кричал в своих песнях Владимир Высоцкий, «и ни церковь, ни кабак —/ ничего не свято!/
Нет, ребята, все не так!/ Все не так, ребята...».

«Новый курс» Брежнева

Смена руководства КПСС в 1964 году в разных кругах была встречена по-разному. Одни ожидали реставрации былых порядков и корректировки «волюнтаризма и субъективизма» Хрущева, другие надеялись на продолжение десталинизации, которой на XXII съезде КПСС был, по видимому, дан новый импульс (вынос тела Сталина из Мавзолея, переименование Сталинграда в Волгоград, так и не выполненное решение о сооружении на Красной площади памятника жертвам политических репрессий). Главный редактор «оттепельного» журнала «Новый мир» Александр Твардовский в программной статье первого номера за 1965 год писал: «Мы приветствуем споры, дискуссии, как бы остры они ни были, принимаем самую суровую и придирчивую... критику. Мы считаем это нормальной жизнью в литературе. И сами не намерены уклоняться от постановки острых вопросов и прямоты в своих суждениях и оценках. На том стоим». Резонанс статьи был огромный, и спустя несколько месяцев в «Известиях» появился ответ другой стороны — статья известного скульптора, автора знаменитых монументов Мамаева кургана Евгения Вучетича. Он предупреждал, что «есть правда и есть только видимость правды, есть правда факта и правда явления. И надо обла-

дать острым, пронизательным взглядом художника, чтобы отделить одну от другой». Деление правды на разряды (прямо по Булгакову — «кароши люблю, плохой — нет»), конечно, готовило отказ от нее вообще. Имя автора статьи о «двух правдах» быстро стало нарицательным, а сама она воспринималась как манифест консерваторов. Развитие этого направления в 60-е годы не встретило серьезного сопротивления «наверху», да и номенклатура устала от перемен с непредсказуемыми последствиями и жаждала стабильности.

Взамен утопически-мобилизационной хрущевской идеи о построении коммунизма к 1980 году партийными идеологами выдвигается теория «развитого социализма» как высшей, наиболее зрелой его стадии (впервые озвучена Брежневым в 1967-м вошла в преамбулу Конституции 1977 года). Соответственно, вся система общественных отношений стала рассматриваться под углом зрения соответствия «критериям зрелости». Началась обычная российская подгонка действительности под желаемую схему. По словам историка Е.Ю. Зубковой, «если проследить развитие основного потока нашей общественно-политической литературы с конца 60-х годов, нетрудно заметить, как постепенно "мельчали" недостатки, "исчезали" трудности, растворялась связь между понятиями "антагонизм" и "социализм", зато росли "успехи" и "достижения"». А когда грянул август 1968 года, победа консервативных сил стала очевидна даже оптимистам. По словам сотрудника Твардовского Александра Кондратовича: «Более мрачного года, чем 68-й, я не знаю. Был 37-й, но он был скрыт для многих. Был 52-й, но 53-й унес Сталина, и забрезжила надежда. 68-й — крах последних иллюзий и надежд».

Какие же обстоятельства мешали реальному реформированию общества? Партийно-государственная номенклатура, сосредоточив в своих руках всю полноту экономической и политической власти, не была заинтересована в сколько-нибудь серьезных переменах. Отсутствовали уничтоженные еще в 20—30-х годах самоорганизующиеся социальные механизмы, способные составить альтернативу государственной монополии на власть и собственность: рыночное саморегулирование, многообразие форм общественного самоуправления и т.п. Массовые репрессии и идеологическая обработка общественного сознания способствовали складыванию у миллионов советских людей не только конформистского подхода к окружающим их порядкам, но и консерватизма, основанного на боязни проявить политическую

инициативу. Примитивизация представлений о социализме при Сталине вела к такому его восприятию, когда за лозунгом коллективизма не оставалось места для соблюдения прав и интересов конкретной человеческой личности. Даже в школьных букварях обязательно подчеркивалось, что «я» — последняя буква алфавита». Идея уравнительности на деле оборачивалась равенством в нищете (но при сохранении невиданных льгот и привилегий для партийно-государственной элиты). Все это сформировало у большинства советских людей представление о том, что социализм может быть только таким и терпеть надо ради светлого будущего, если не собственного, то хотя бы детей и Втузов. Как пелось в популярной песне, «жила бы страна родная, и нету других забот».

После снятия Хрущева новое руководство (первый секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, председатель Совета Министров Алексей Косыгин, председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный) выступило за проведение экономической реформы. Это была очередная попытка добиться стимулирования промышленного и сельскохозяйственного производства без изменения основ административно-командной системы управления и отказа от внеэкономического принуждения. О таких устремлениях еще М.Е. Салтыков-Щедрин писал: «Ищут путей, как бы превратить убыточное хозяйство в доходное, не меняя оно».

Реформа началась в марте 1965 г., когда были приняты меры по решению социальных проблем села, частичному использованию экономических методов управления, повышению закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Однако главный акцент в политике на селе был все же сделан на повышение роли Министерства сельского хозяйства в планировании и руководстве производством, а также увеличение капиталовложений и списание долгов колхозов.

Тем не менее в результате реформы уже в 1970 году совокупная рентабельность совхозного производства составила 22%, а колхозного — 34%. Однако, по мере свертывания линии на развитие внутренних стимулов крестьянина к труду, даже несмотря на многомиллиардные вливания (в 1966-1980 годах в сельское хозяйство было направлено около 400 млрд. руб. капиталовложений), уже к началу 80-х годов колхозы и совхозы оказались в целом убыточными. Отставание социальной сферы на селе усилило отток населения в города. Введение стабильных денежных окладов колхозникам привело к росту ин-

дифферентности, падению стимулов к труду. В результате за 25 лет (1964—1988) освоенная пашня сократилась на 22 млн га. Потери сельскохозяйственной продукции составляли от 20 до 40% от урожая. Страна столкнулась с серьезными перебоями в продовольственном снабжении.

В сентябре 1965 года партийное руководство объявило о реформе в промышленности. Подготовленная на основании предложений харьковского экономиста Е.Г. Либермана, она предполагала изменения в планировании и усиление экономического стимулирования промышленного производства. Было сокращено до минимума число директивно планируемых показателей. Наряду с сохранением жестких нормативов по валовому объему выпускаемой продукции, были введены и новые показатели, призванные обеспечить ее качество. Для экономического стимулирования производителей было разрешено оставлять в распоряжении предприятий часть доходов, которая делилась на три фонда. Это был фонд материального поощрения, фонд социально-культурного и бытового развития (строительство жилья, клубов, пансионатов и др.), фонд самофинансирования производства. Вводилась и практика корректировок плановых заданий снизу самими предприятиями. Директивные же органы были лишены права менять план в ходе его реализации. В то же время был восстановлен отраслевой принцип управления промышленностью, расширены права министерств, что полностью сохранило ведомственную управленческую вертикаль и входило в неизбежное противоречие с декларированной «самостоятельностью» предприятий. На новом витке повторилось старое противоречие нэповских времен — между «командными высотами» и частными интересами предприятий и их работников.

Но даже такая половинчатая реформа дала неплохие результаты — в годы восьмой пятилетки (1966—1970) среднегодовые темпы прироста национального дохода выросли с 6,5 до 7,7%, а темпы роста производительности труда увеличились с 6 до 6,8% (по данным экономиста Г.И. Ханина).

Однако, не успев развернуться, реформа начала выхолащиваться тем крылом в высшем партийно-государственном руководстве, которое опасалось даже частичного перехода к рыночным отношениям и выступало за сохранение без изменений существующей системы управления экономикой. Шансы этой части руководства на победу были выше, так как ее возглавлял набиравший силу Леонид Брежнев.

Работник аппарата ЦК КПСС Федор Бурлацкий позже вспоминал: «В аппарате пересказывали слова Брежнева по поводу доклада Косыгина на сентябрьском пленуме 1965 года: "Ну что это он придумал? Реформа, реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема"».

Победа его линии на свертывание реформы стала очевидной после поражения «пражской весны» 1968 года, когда попытки придать «второе дыхание» социализму в Чехословакии с использованием рыночных механизмов вылились в массовое движение за общественное обновление и вызвали испуг не только у консерваторов в Коммунистической партии Чехословакии, но и у советского руководства. Экономическое реформирование в СССР после этого пошло на убыль, а вслед за этим поползли вниз и экономические показатели: среднегодовые темпы прироста национального дохода с 7,7% в годы восьмой пятилетки упали до 3,5% в 1981—1985 гг.

Руководство пыталось объяснить такое положение исключительно объективными факторами. Например, неблагоприятной демографической ситуацией и снижением удельного веса трудоспособного населения (что делало невозможным в условиях продолжения экстенсивного развития экономики обеспечивать ее потребности в рабочей силе). Или истощением традиционной сырьевой базы (прежде всего топливно-энергетической), резким удорожанием добычи и перевозки сырья, физическим износом и моральным старением оборудования (сохранившегося еще с 20—30-х гг.), значительным увеличением военных расходов и т.д. Все эти обстоятельства действительно негативно сказывались на развитии экономики СССР.

Но не менее важной причиной ее плачевного состояния был кризис самой «социалистической организации труда». Академик Татьяна Заславская в начале 80-х годов прямо заявила о том, что главная причина экономических неудач коренится в неспособности существующей системы обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала человека общества.

В то время как лидерам страны пути выхода из предкризисного состояния виделись в расширении числа отраслевых министерств и ведомств (к началу 80-х годов их было уже более 100 союзных и 800 республиканских), для многих стало очевидным, что без смены самой экономической системы, без создания экономических стимулов к труду добиться перелома в экономике невозможно. При этом «материаль-

ные стимулы», которые вводились реформой 1965 года и, вероятно, считались достаточными с точки зрения руководства, на самом деле не могли стимулировать рабочих, так как составляли лишь 3% от их заработной платы.

Существовавшая система не стимулировала и развития научно-технического прогресса, без которого было невозможно перейти от индустриального к постиндустриальному обществу. Несмотря на широковещательные заявления о «соединении достижений научно-технического прогресса с преимуществами социализма», к концу 70-х годов, когда США и лидирующие страны Западной Европы начали путь к постиндустриальному обществу, в СССР его примитивными формами было охвачено менее 10-15% рабочих промышленности. В то же время работали вручную 40% рабочих промышленности, 55-60% строителей, до 75% работников сельского хозяйства. К 1985 году, когда в США работало 1,5 млн ЭВМ и 17 млн персональных компьютеров и ЭВМ, в СССР насчитывалось не более нескольких десятков тысяч аналогичных машин преимущественно устаревших моделей. В результате к середине 80-х годов СССР вновь (как и в 20-е) оказался перед угрозой нового стадийного отставания от стран Запада. Избежать этого при сохранении существующей системы было уже невозможно.

«Бровеносец в потемках»

После октября 1964 года к власти пришло новое (в сравнении со сталинским окружением) поколение руководителей, средний возраст которых составлял 55—57 лет. Лидером партии стал Леонид Брежнев. По мнению участников событий тех лет, реальной альтернативой ему был Алексей Косыгин, назначенный главой правительства. Этим во многом объясняется натянутость их взаимоотношений. В Политбюро ЦК КПСС у Брежнева не было стабильного большинства. Одним из ближайших сподвижников Брежнева стал Подгорный, а наибольший вес в новом руководстве первоначально имели секретари ЦК Михаил Сулов, Александр Шелепин, Юрий Андропов.

Главный идеолог партии Сулов бдительно следил не только за «чистотой марксизма-ленинизма», но и за равновесием сил в Политбюро: когда преимущество склонялось к Брежневу, переходил на сто-

рону Косыгина, когда верх брал Косыгин, перемещался в прежний стан. По мере укрепления власти Брежнева происходили и кадровые перемещения. Все большие позиции во властных структурах занимали родственники, давние соратники нового вождя или лица, выразившие ему свою безграничную поддержку. Так, заведующим общим отделом ЦК стал давний брежневский приятель еще по Молдавии Константин Черненко, а с поста директора кишиневской партийной школы на должность заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК был определен Сергей Трапезников. Последний буквально потряс академическое начальство, произнеся на совещании в ЦК, что партия поставила его, «чтоб руководить всей наукой». «Под родственников» Брежнева создавались даже новые министерства.

С самых первых месяцев после прихода к власти Брежнева под лозунгом борьбы с «субъективизмом и волюнтаризмом» Хрущева началась борьба против ряда принципиальных направлений его курса. В экономике произошел не просто возврат к прежней централизованной системе управления, но и началось ее разрастание. Только за 1976—1983 годы численность управленческого аппарата выросла на 3 млн и достигла 18 млн человек, на содержание которых ежегодно затрачивались десятки миллиардов рублей. К этому времени на каждые 6—7 человек в стране приходилось по одному «управляющему». Свертывание экономических методов управления и рост государственного аппарата превращали партию в неэффективный, забюрократизированный механизм.

В эти годы усилился партийный контроль над всеми сторонами жизни общества. Уже на XXIII съезде КПСС (1966) были отменены все новации в партийной жизни, принятые при Хрущеве, в том числе и положение о ротации партийной номенклатуры. В уставе КПСС, принятом на XXIV съезде в 1971 году, вводилось право партийного контроля за деятельностью администрации не только на производстве (как и ранее), но и в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, учреждениях культуры и здравоохранения. «Брежневская» конституция СССР 1977 года впервые в истории страны закрепила руководящую и направляющую роль КПСС в обществе, определив ее в качестве «ядра политической системы» (знаменитая 6-я статья).

Брежнев в большей степени, чем Хрущев, использовал чисто аппаратные приемы в своей деятельности: как и его предшественники, он опирался на Секретариат ЦК, проводил предварительные обсужде-

ния готовящихся вопросов (предвосхищая сами решения). Важнейшие для страны решения, как и при Сталине, принимались узким кругом лиц. Под лозунгом «борьбы за единство партии» глушилась любая точка зрения, не совпадающая с «генеральной линией». При Брежнев были негласно запрещены несогласованные выступления членов Политбюро и секретарей ЦК на пленумах и съездах партии, введена практика специальных разрешений Секретариата на поездки членов выборных партийных органов по стране, согласование текстов официальных выступлений лидеров партии перед общественностью и т.д. Регламентация достигла абсурдных размеров, когда по личной просьбе Брежнева во время его речей перед большими аудиториями в нужных местах Подгорный должен был вставать и аплодировать, показывая пример залу. Позже, при проведении съездов партии и комсомола в Кремлевском дворце съездов, рассаживали специальные группы скандирующих, обеспечивавших «бурные, продолжительные аплодисменты».

С конца 60-х годов начинается и с годами все более усиливается кампания по возвеличиванию самого Брежнева. Принимается специальное решение о показе по телевидению Брежнева и остальных членов руководства в соотношении 3:1. Вновь вводится в оборот дискредитированное Сталиным обращение «вождь» (впервые его произнес член Политбюро ЦК КПСС Андрей Кириленко при вручении ему Брежневым Звезды Героя Социалистического Труда). В 1973 году принимается постановление о мерах по «повышению авторитета вождя». Вслед за этим ему присваивается звание генерала армии, а затем и маршала Советского Союза. Он награждается несколькими звездами Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, орденом «Победа», двумя орденами Октябрьской Революции, двумя международными ленинскими премиями, многочисленными наградами зарубежных стран. Шутили, что художникам нередко приходилось подрисовывать на парадных портретах «вождю» левое плечо пошире, чтобы туда поместились все его многочисленные регалии. Одновременно до невероятных размеров раздувается военная биография полковника Брежнева. Даже в вышедших в свет в 1969 г. воспоминаниях Г. К. Жукова появляется мифическая сцена поисков маршалом во время визита в 18-ю армию начальника ее политотдела Л.И. Брежнева, который — вот незадача — «как раз находился на Малой земле, где шли тяжелые бои».

Курс на «стабилизацию», получивший официальное закрепление в решениях партийных съездов, означал не только «резервирование мест» за номенклатурными работниками, но и консервацию существующих порядков. Это вело к безнаказанности руководителей любого ранга, расцвету коррупции, злоупотреблений служебным положением, фантастическому разрыву между словом и делом. Брежнев стал наиболее последовательным выразителем интересов партийно-государственной номенклатуры, а его правление стало для нее буквально «золотым веком».

Для идеологического обоснования курса на свертывание демократических импульсов 1953—1964 годов окружение Брежнева использовало вначале кампанию борьбы с «субъективизмом и волюнтаризмом» Хрущева, а затем и концепцию «развитого социализма». В основе ее лежала идея «однородности» советского общества, якобы отсутствия внутри него каких-либо реальных противоречий, бесконфликтного развития. Это, в свою очередь, вело к формированию у руководства КПСС и советского государства крайне самодовольного и близорукого восприятия окружающей действительности. Идея «развитого социализма» опиралась на вполне реальный факт создания индустриального общества в СССР, но оптимистически предполагала «развитие социализма на его собственной основе», не создавая тому никаких материальных стимулов.

Вскоре после снятия Хрущева началась полоса негласной реабилитации Сталина. Все чаще не только его имя, но и образ не только присутствует, но и даже становится центральным в художественных произведениях, кинофильмах, мемуарах, периодике. Перед XXIII съездом КПСС в 1966 году академики Петр Капица и Игорь Тамм, писатели Константин Паустовский и Корней Чуковский, актеры Олег Ефремов и Иннокентий Смоктуновский, режиссеры Георгий Товстоногов и Михаил Ромм и другие представители советской интеллигенции обратились к Брежневу с письмом, в котором выражали беспокойство по поводу наметившейся «частичной или косвенной реабилитации Сталина». Как своеобразный ответ на это письмо прозвучало выступление на съезде первого секретаря московского горкома КПСС Николая Егорычева, который заявил: «В последнее время стало модным... выискивать в политической жизни страны какие-то элементы так называемого "сталинизма", как жупелом, пугать им общественность, особенно интеллигенцию. Мы говорим им: "Не выйдет, госпо-

да!"» Характерно, что противники ползучей ресталинизации названы «господами» — так в СССР было принято обращаться только к идейно и социально чуждым.

В 1970 году эта кампания привела к снятию Твардовского с поста главного редактора «Нового мира». Именно он добился в 1962 году публикации рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», впервые сказавшего художественно необычайно сильно и страшно правду о лагерях. Журналу предъявили обвинения в «очернительстве» советского прошлого. Создавший знаменитый образ народного героя Великой Отечественной Василия Теркина, Твардовский в 1963-м добивается публикации страшноватой и едкой сатирической поэмы «Теркин на том свете», написанной в пятидесятые годы, в которой советская бюрократическая система изображена как царство мертвецов и мертвечины. В это время он пишет поэму «По праву памяти», в которой точно фиксирует стремление властей вернуться к казенному единомыслию и поставить крест на достижениях 60-х: «Какой, в порядок не внесенный, / Решил за нас особый съезд: / На этой памяти бессонной, / па ней как раз поставить крест».

Консервативные идеологические установки и довольно радикальная экономическая реформа 1965 года были плохо совместимы, и такое положение долго сохраняться не могло. К концу 60-х годов началось свертывание экономической реформы и окончательное оформление консервативного курса как определяющего. Происходило это в то время, когда отставание СССР от Запада в научно-техническом и социальном планах становилось стадиальным. Это, кстати, прекрасно понимали даже рядовые советские граждане, среди которых был популярен анекдот: «Западный мир стоит на краю пропасти и смотрит вниз, что это мы там делаем». После смещения Хрущева произошел своего рода откат к сталинизму, к сталинской модели развития, но без равной Сталину фигуры харизматического вождя и без массовых репрессий. Власть, казалось, и не собиралась учитывать изменения, происходившие в обществе. А они были разительны.

«Кто ответит мне - что за дом такой...»

В 60—70-е годы изменилась демографическая ситуация в стране: в результате «второго эха» войны рождаемость снизилась на 25%, смерт-

ность увеличилась на 15%. Рост населения наблюдался лишь в Средней Азии и Закавказье. Завершение индустриализации означало и усиление процессов урбанизации. За 25 лет (1960—1985) в город переехало свыше 35 млн сельских жителей. Число городов с населением свыше миллиона человек выросло с 3 до 23. 70% городского населения было занято в промышленности, строительстве и на транспорте.

Значительно вырос и образовательный уровень народа. В 60—70-е годы был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию. В результате к кошту 70-х годов среднее и высшее образование имели более 64% населения страны (в 1959-м — 17%). В сравнении с полугодными 30—40-ми годами, в 60—70-е значительно улучшилось материальное положение людей: росла заработная плата, действовала всеобщая система пенсионного обеспечения, преобладающим типом городского жилища стали отдельные квартиры, в повседневную жизнь вошли телевизоры, холодильники, радиоприемники, улучшилась структура питания. В 1970 г. первую партию легковых автомобилей выпустил завод в Тольятти, сооружение которого началось лишь тремя годами ранее.

Немалую роль в этих достижениях, однако, сыграла не интенсификация производства, а экспорт в колоссальных количествах нефти и газа на Запад. За 1970—1985 годы страна получила порядка 170 млрд долларов от продажи энергоносителей (так называемые нефтедоллары). Однако истрачены они были в основном на закупки продовольствия и одежды, бытовых предметов. В принятии политических решений, связанных с производством и распределением национального дохода, не участвовали те структуры политической системы, которые должны были по своему статусу бороться за «интересы трудящихся»: профсоюзы, молодежные организации и др. Традиционные же структуры власти по-прежнему исходили из приоритета обороны и развития тяжелой промышленности. Становилось очевидным, что без реального демократического преобразования управления народным хозяйством добиться перемен к лучшему невозможно. В отсутствие же таких перемен доля потребления в национальном доходе СССР, по некоторым данным, составляла не более 35—38% (по официальной статистике — 70—75%), в то время как в развитых западных государствах — от 65 до 82%. Даже в тех странах социалистического лагеря, где хоть частично действовали элементы рынка и остатки демократических традиций, уровень жизни был намного выше, чем в СССР.

Одним из «факторов торможения» в эти годы стал глубокий нравственный кризис. Сохранение псевдодемократической системы под лозунгами социалистической демократии и гуманизма по мере углубления разрыва между декларациями и реалиями жизни вели общество к духовному кризису. Главным противоречием между властью и обществом, сложившимся в эти годы, стало противоречие между существующей политической системой и новыми потребностями и запросами стремительно выросшего в интеллектуальном и культурном отношении населения страны. Реализовать эти объективные запросы и качественно новые условия жизни власть не могла. Но если в прежние годы от выступлений против режима уберегала карательная машина ОГПУ — НКВД — КГБ, то в новых условиях страх перед карательными органами стал намного меньше, хотя репрессии сохранились, утратив лишь массовый характер и наиболее откровенные формы.

По мере свертывания процессов десталинизации в обществе возникали ростки оппозиционной «антисистемы». В 60-е годы в советском обществе возникла новая форма духовной оппозиции — диссидентство. По словам одного из его лидеров Андрея Синявского, «советское диссидентство — это интеллектуальное, духовное и нравственное сопротивление». «Спрашивается теперь: сопротивление чему? Не просто ведь советскому строю вообще. Но — сопротивление унификации мысли и ее омертвлению в советском обществе». Инакомыслие и действие на основе его — вот главное в движении. Как пишет современный исследователь: «Идея, что можно действовать не против власти и не за нее, а независимо от нее, что культурная и гражданская инициатива может просто игнорировать негласные запреты, не имеющие никакого законного обоснования, была, конечно, абсолютно нова для советского человека. Но она была и привлекательна — тем, что позволяла проявлять себя открыто, не прячась, не уходя в подполье. Ключевым для нового типа социального поведения стало слово "независимость"».

В 1965 г. были арестованы и в начале 1966 г. осуждены писатели Юрий Даниэль и Андрей Синявский, опубликовавшие свои новаторские и критические произведения за границей. Приговор был жестким: 7 и 5 лет лагерей строгого режима. Во время процесса состоялась первая в советское время демонстрация под правозащитными лозунгами 5 декабря (день советской конституции 1936 года) 1965 года. К памятнику Пушкину пришло около 200 человек, развернувших пла-

каты с надписями «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» и «Уважайте советскую конституцию!» Правозащитники считали, что законы следует понимать так, как они написаны, а поскольку на бумаге конституция 1936 года гарантировала гражданские права и свободы, то они стали добиваться их осуществления. Тем самым была пробита первая брешь в стене советского двоемыслия, а власти были буквально ошарашены такой постановкой вопроса.

Дополнит эту позицию Александр Солженицын в своем знаменитом послании 1974 года «Жить не по лжи!». «Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна), — отступить от этой гангренозной границы! ... Будут нас тысячи — и не управятся ни с кем ничего поделать. Станут нас десятки тысяч — и мы не узнаем нашей страны! Если же мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не дает дышать — это мы сами себе не даем!»

В 1967 году за свою деятельность были арестованы поэт Юрий Галансков и публицист Александр Гинзбург. В 1968 г. впервые в качестве репрессивной меры властей против инакомыслящих были использованы возможности специализированных психиатрических лечебниц. В 1969 г. в них были помещены арестованные поэт Илья Габай и генерал Петр Григоренко. В мае 1969 г. была создана первая в СССР открытая общественная ассоциация — Инициативная группа защиты прав человека в СССР (Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев и др.). С 1965 начал свою правозащитную деятельность академик Андрей Дмитриевич Сахаров. В 1974-м был выслан на Запад лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 г. Александр Солженицын. В конце 1979-го — начале 1980 года были арестованы или сосланы почти все лидеры и активные участники правозащитного движения в СССР (в том числе в Горький был сослан Сахаров). Открытым ассоциациям в стране был положен конец.

В СССР действовали также и национальные движения и организации: Украинское национальное движение, Литовское национально-демократическое движение, Эстонское национально-демократическое движение, Армянское национальное движение, Грузинское национальное движение, Крымско-татарское движение за возвращение в Крым, движение турок-месхетинцев за возвращение на родину, еврейское движение за выезд в Израиль, движение советских немцев за выезд в ФРГ и др. Все они также подверглись репрессиям в конце 70-х.

Несмотря на «террористически-атеистический», по выражению священника Александра Меня, характер советского государства, под спудом официальной идеологии началось постепенное религиозное возрождение. Кризис доверия к власти и нарастание общей «кривды» режима способствовали усилению интереса как к традиционным, так и к новым формам веры. В 1980 г. в стране существовало более 3 тыс. незарегистрированных религиозных объединений. Если в 60-е гг. советские социологи говорили о 10—15% верующих среди городского населения, то десятилетием позже их уже было 20—30%, причем значительную часть составляла новообращенная молодежь. Классическим примером бурной и плодотворной миссионерской, катехизаторской и социальной деятельности стал приход Сретенской церкви Новой Деревни под Москвой, где служил отец Александр Мень — «ангел-чернорабочий», по словам поэта Александра Зорина. Причем реальной поддержки патриархии, строго контролировавшейся партией и КГБ, новые процессы в церкви не получили. За это ее критиковали как Солженицын, так и священники Глеб Якунин, Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман.

Инакомыслие и организованные формы протеста возникали в различных и порой весьма неожиданных областях. Так, по данным Л.М. Алексеевой, за 1955—1985 г. произошло 76 забастовок: 3 из них состоялись во второй половине 50-х, 17 — в 60-е, 25 — в 70-е, 31 — в начале 80-х. Люди требовали повышения зарплаты, сохранения льготных отпусков и т.д. Конфликты разрешались в результате переговоров, причем нередко при посредничестве парткомов и профкомов.

Важные события произошли в Советской армии. 8 ноября 1975 года замполит большого противолодочного корабля «Сторожевой» капитан 3-го ранга Валерий Саблин арестовал командира, занял его место на мостике и повел корабль в нейтральные воды, где обратился к руководителям страны с воззванием. Не выступая против советской власти и «коммунистической перспективы», он предупреждал о пагубности проводимого в стране курса. В обращении говорилось: «Граждане, Отечество в опасности! Его подтачивают казнокрадство и демагогия, показуха и ложь... Вернуться к ленинским принципам, к демократии и социальной справедливости... Уважать честь, жизнь и достоинство личности...» В письме командиру флотский политработник так объяснял мотивы выступления моряков: «...Мы не предатели Родины, а наше выступление носит чисто политический характер.

Надо разбудить народ от политической спячки!» Поднятые в воздух военные самолеты обстреляли «Сторожевой» и вынудили его остановиться. Саблин был отдан под трибунал и расстрелян.

Власть отклигагулась на все эти выступления совершенствованием репрессивного аппарата. С приходом в 1967 г. к руководству КГБ секретаря ЦК Юрия Андропова борьба с инакомыслием была поставлена на «научную» основу. По его предложению было создано пятое управление КГБ по борьбе с инакомыслием. Его сотрудники были внедрены во все или почти все учреждения, организации и движения — молодежные, религиозные, национальные, обществешно-политические. Они вели скрытое и открытое наблюдение не только за правозащитными деятелями, но и за их потенциальными союзниками, прослушивали телефоны. Изменились и средства воздействия: в большинстве случаев диссидентов судили не за их политическую деятельность, а как нарушителей уголовного законодательства. Им ставился беспрецедентный в мировой медицинской практике диагноз «шизофренический синдром агрессивного антисоветизма». Многие из них были осуждены на принудительное «лечение» в специализированных психиатрических лечебницах, находившихся на балансе МВД. Борьба с инакомыслием методами «карательной психиатрии» — это ноу-хау Андропова, о чем не мешало бы вспомнить сегодня, прежде чем ставить ему памятники.

При Брежневе вновь была ужесточена цензура. Множество интересных книг, статей, кинофильмов так и не увидело свет по причинам идеологического характера. Так начала складываться знаменитая «полка», на которую попадали самые талантливые и правдивые произведения, впоследствии составившие золотой фонд советской литературы, кино и т.д. В личной беседе с писателем Василием Гроссманом главный идеолог партии Михаил Суслов сказал, что его новаторский и необыкновенно смелый по мысли роман «Жизнь и судьба» будет опубликован только «лет через триста». К счастью, ошибся...

Совершенно уникальную роль в поздней советской культуре и общественной жизни сыграл театр. Георгий Товстоногов, Юрий Любимов, Анатолий Эфрос, Олег Ефремов, Галина Волчек и другие создатели авторского театра во многом взяли на себя функции крепко задушенных университетской кафедры и церковного амвона. Их лучшие спектакли стали школой не только художественности, но и гражданственности, злободневной в лучшем понимании этого слова. Гамлет Высоцкого читал со сцены стихи Пастернака, связывая драмы шекспировских, ста-

линских и брежневских эпох, а во время знаменитого монолога ибсеновского «врага народа» доктора Стокмана, обличавшего преступный конформизм большинства, в зале театра «Современник» зажигался свет, и то самое большинство могло посмотреть в глаза друг друга.

Расширялся круг неподконтрольных власти источников информации. Основными были «Тамиздат» (книги, издававшиеся зарубежом и нелегально ввозившиеся в СССР) и «Самиздат» (напечатанные на пишущих машинках здесь). Наиболее читаемыми были «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, ставший практически обязательным чтением интеллигенции, и книги по национальным и политическим проблемам Абдурахмана Авторханова. Большое влияние на общественное сознание оказывала тамиздатная периодика, особенно журнал «Посев», за чтение которого, как и «Архипелага», можно было запросто получить восемь лет тюрьмы.

Зарубежное радиовещание на СССР давало картину событий в стране и мире, в корне отличную от той, что преподносила советская пропаганда. «Есть такой обычай на Руси — вечерами слушать Би-би-си», — говорили «совграждане», настраиваясь на короткие волны своих радиоприемников в надежде сквозь вой глушилок и помехи эфира услышать «Голос Америки», «Немецкую всшгу» или другие западные радиостанции. Наутро на работе, как правило, шел обмен новостями и оживленное обсуждение услышанного.

Наконец, коммунистическая власть 1 августа 1975 г. нанесла сама себе мощный удар, подписав Хельсинкские соглашения. Ирония судьбы была в том, что СССР пошел на их подписание, в частности, для обеспечения свободы действий при подавлении антикоммунистического сопротивления в социалистических странах Европы. Взамен же Брежнев был выпгужден подписать документы по правам человека. Их публикация в центральных советских газетах произвела на значительную часть общества впечатление разорвавшейся бомбы. В 1976 г. в Москве была создана группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, которую возглавил Юрий Орлов.

«Тут не трубу, тут всю систему менять надо»

В экономической области все более становилась ясна полная несостоятельность советской хозяйственной системы. Темпы роста произво-

дительности труда падали даже по официальным данным. Так, в 1966—1970 гг. они составляли в среднем за год 6,8%, в 1971—1975-х — 4,4%, в 1976—1980-х — 3,8%. Фактически же за эти периоды они составили 4,1, 1,4 и —0,3% соответственно. Но во второй половине 70 годов началось абсолютное падение производительности труда и объемов производства.

Потребительский спрос оставался неудовлетворенным. Например, в докладе комиссии академика Кириллина в 1979 г. утверждалось: «Трудно найти такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью... По ориентировочным оценкам, в 1970 году 20%, а в 1978 году — уже 53% прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса». В 1980 году, по подсчетам ленинградского математика и экономиста Е.Я. Крола, неудовлетворенный спрос составил уже 75%. По данным доклада той же комиссии, в 1978 году телефонов в СССР было в 10 раз меньше, чем в США, компьютеров — в 100 раз меньше. В 5% городов и 15% поселков не было водопровода, а в 30% городов и 60% поселков — канализации. Неэффективность советской экономики и до сих пор потрясает воображение: при нулевом приросте продукции сельского хозяйства в 1976—1985 годах государственные капиталовложения в него составили 150 млрд долларов. СССР добывал железной руды в 7 раз больше, чем США, чугуна из нее выплавлял в 3 раза больше, чем США, а стали из этого чугуна вдвое больше. Машин из этого металла выпускал по стоимости почти столько же, как и США. При всей риторике о «преимуществах социализма», СССР проигрывал США экономическое соревнование, равно как и вообще «холодную войну».

Таким образом, развитие советской системы в середине 60-х — начале 80-х гг. вело к углублению противоречий между властью и обществом. Все попытки даже умеренного политического реформирования, предпринятые при Хрущеве, были надолго прерваны Брежневым и его окружением. Застойные явления в экономическом развитии сопровождались устойчивой тенденцией к застою и в политической жизни, культуре, социальном развитии СССР. Брежневские восемнадцать лет правления, как восемнадцать ступеней вниз, неизбежно вели государство и общество к кризису...

«От Ильича до Ильича»

В 1974 году кинорежиссер Андрей Тарковский снял фильм «Зеркало», с трудом выпущенный цензурой и шедший «вторым экраном». Сюжет непростого философского фильма был построен на образе зеркала — мистической памяти человека, его высшего суда. Зеркало не дает человеку соврать, учит его говорить правду о самом себе и стране, о прошлом и настоящем. Первый эпизод фильма — своеобразный ключ ко всему, что Тарковский хотел сказать зрителю. Женщина-логопед невероятно напряжено работает с заикающимся, косноязычным подростком. Через несколько минут происходит чудо — мальчик с трудом, но вполне ясно произносит: «Я — могу — говорить!» Как речь делает человека, так способность к свободному слову и действию — гражданина. Без этой альтернативы «рабскому покою», которая буквально проросла в годы брежневского «застоя», не совершилась бы демократическая революция 1991 года.

Если бы семеро не вышли на площадь...

Подробнее на эту тему:

Аман, Ив. Александр Мень: Свидетель своего времени. М., 2004.

Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. М., 1992.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991.

Новиков Вл. Высоцкий. М., 2005.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998.